

КОГДА через дорогу прямо перед машиной внезапно переметнулось нечто огромное, полосатое, все трое даже не сразу сообразили, что это был тигр. Однако старенький «джип» по-своему отреагировал и немедленно, словно бы охиув, осел на заднее колесо. Мужчины попросили Шапошникову пойти в заросли и посмотреть, не затаялся ли тигр поблизости, пока они займутся колесом. Только потом они все подумали о том, что она вполне бы могла и не вернуться.

Оружия у них не было, и, наверное, потому колесо удалось сменить с рекордной скоростью.

...И вот мы сидим у нее дома — в Москве на проспек-

те Вернадского, и она, увлекаясь, но тем не менее не упуская сколько-нибудь важных подробностей, рассказывает о своей жизни среди простых, добрых людей, мудрых, как испытанные все в жизни старцы, и доверчивых, словно дети, еще не видавшие зла. Она любит этих людей, и они тоже полюбили ее.

Слушая Людмилу Васильевну, я подумал, что без этой счастливо взаимной любви вряд ли ей удалось бы добиться столь яркого научного успеха и уж, конечно, вряд ли она смогла написать свои замечательные книги. Потому что человек, окрыленный любовью, поднимается выше и видит гораздо больше.

И еще, сидя рядом с Людмилой Васильевной, я завидую студентам Института стран Азии и Африки, которые в своих аудиториях могут ее слушать едва ли не каждый день.

Ее индийские дороги через горы и джунгли начались, как она считает, совершенно случайно. Думается, это не совсем так. Ее любимым героем в юности был Миклухо-Маклай, она о нем много читала, и он знал ее за собой.

Ее учитель — профессор А. М. Дьяков, внимательно и пристрасно следивший за ней, сказал, как будто так просто: «А, между прочим, в Индии есть племя тогда, о котором никто не знает, откуда оно взялось...» И этих слов стало достаточно, чтобы Шапошникова потеряла покой и ощутила настоящую тоску. Она почувствовала неодолимое желание вернуться в эту удивительную страну, поэтому когда стало известно, что в Мадрасский университет ищут преподавателя русского языка, Шапошникова поняла,

что не простит себе, если упустит такой блистательный шанс.

Тогда-то и начались ее странствия по горам и джунглям — от племени к племени. Мой «неосторожный» вопрос: «Но почему же именно индийские племена Вас интересовали больше всего?» оберек меня на прослушивание едва ли не полного курса по истории Индии.

Племенами она заинтересовалась прежде всего потому, что это поразительно яркие осколки прошлого, неведомо как сохранившиеся в наш космический и атомный век. Исчезающие люди давно исчезнувших эпох. Каждое из этих племен живет своей жизнью, мало похожей на дру-

бавля: «Мои горшки несут тепло моих рук».

«Вы представляете, как это интересно, — говорит Людмила Васильевна, и глаза ее загораются, — жить среди людей, о которых в других местах земли можно узнать только от археологов!».

А ведь действительно, где-то в Египте, в Месопотамии, в глубинных пластах земли археологи по крупицам собирают давно потускневшие осколки навсегда ушедшего мира, чтобы по ним воссоздать картины жизни, а она живет с этими людьми, говорит с ними на их языке, вникая в смысл древних обрядов, обычаев, раскрывая их бесхитростные, но необыкновенно чуткие души. Если че-

родственников до седьмого колена!

А с того — теми самыми тогда, о которых давным-давно так коварно заговорил профессор Дьяков, у нее сложились особые отношения. Там, в горах, в их мандах — деревнях с необычными полукруглыми жилищами из бамбука и низкими, у самой земли, входами-лазами она оставила часть своего сердца. «Вы не представляете, какие это люди! — говорила она. — Доброжелательные, мягкие, простодушные...»

Она появилась у тогда, когда все племя насчитывало всего 845 человек. Они встретили приветливо, но для того чтобы добиться полного их расположения и понимания, у нее ушло много времени. Они дарили ей свои песни, растекшиеся по склонам гор и рождавшие эхо в зеленых долинах, они делали все, чтобы высоко в горах и на прерывистых тропах в джунглях она чувствовала себя так же спокойно, уверенно, как и дома, на проспекте Вернадского. Это им удалось. Но еще больше удалось это ей.

Она вернулась в племя спустя восемь лет после того, как покинула их. И первый же тогда, который встретил ее, заплакал от радости.

На прощание Людмила Васильевна предложила мне чаю, и я, стараясь быть возможно больше бесхитростным, спросил: «Кстати, а как Вы решали проблему питания? — Я совершенно не был уверен, что она не ходила охотиться с луком и стрелами в джунгли. — Какие-нибудь консервы Вы брали с собой?»

Она посмотрела так, будто я спросил, а не написала ли она свои книги, никогда не покидая вот этой квартиры.

Никакой еды она не брала. Ела вместе со всеми. С тогда — только травы, плоды, поскольку мяса они не едят, в племени каникаров на юго-западе Индии — коренья, и вот это, пожалуй, было труднее всего. Каникары не были убежденными вегетарианцами, как тогда, и однажды принесли ей из джунглей деликатес из деликатесов, по случаю которого в селении устраивают праздник — огромную, препротивную в глазах русской женщины крысу. При виде изысканного угощения Шапошникову замутило и, отведав глаза — лгать некрасиво! — она объяснила, что вообще мяса не ест.

Потом она показала мне изящнейший лук, принадлежавший некогда вождю племени бондо, который она выменяла на полубившийся вождю карманной фонарь. Лук ей был нужен для коллекции, а вождь ночами стал ходить по джунглям, любуясь светом, который из ничего рождался у него в руках, — и Шапошникова едва ли не дрожала от мысли, что батарейки сядут и с луком придется расстаться.

Уходить от нее мне так же не хотелось, как и ей, когда она расставалась с тогда.

ЖДИТЕ, Я ВЕРНУСЬ!

Она провела в Индии около семи лет, изучая жизнь племен, затерянных в горах и джунглях.

стено, я очень завидовал Людмиле Васильевне.

Я слушал ее и думал о том, что вот как странно — она пришла к этим людям из совершенно другого мира, как инопланетянин, опустившийся на Землю после бесконечных блужданий меж звезд в поисках себе подобных, как человек, во множество раз превосходящий по уровню накопленных знаний. Но у нее не только не было ни малейшего превосходства в рассказе об этих людях, ни тени все понимающего и все объясняющего снисхождения — наоборот! Она жила с ними, как равная с равными, она делила их пищу и кров, помогала им чем могла, и они отвечали ей тем же. Впрочем, у нее и не было особых на то оснований — чувствовать свое превосходство. Да и есть ли оно? Многому доброму и, прежде всего, их отношению друг к другу, считает Шапошникова, мы можем у них научиться.

Как-то раз в беседе с Тайсынпуф, уже немолодой женщиной племени тогда, зашла речь о предках. Тайсынпуф быстро назвала всех своих родичей до седьмого колена (многие из тогда, кстати, могут перечислить их до двенадцатого колена) и с нетерпением ждала, когда амма Людмила назовет своих. Уже на двоюродных братьях и сестрах Шапошникова безнадежно запуталась, и Тайсынпуф, буквально потрясенная, с изумлением смотрела на нее.

А дальше случилось нечто необъяснимое: о ней стали заботиться всем племенем, носить еду, всячески оберегать. Не сразу она поняла, что ее считают умственно неполноценной. Разве может нормальный человек не знать своих

Вот племя кунинда, живущее на севере Индии высоко в горах. Научно-технический прогресс обделил их, пожалуй, более всех. К примеру, они не знают колеса, хотя и превосходно обходятся без него. Они видели автомобили и уж, конечно, уяснили смысл колес, но в жизни колесо им не нужно. Они даже и попытки не сделали соорудить его.

Или взять гончарный круг, появление которого сыграло столь важную роль в истории всего человечества. У большинства индийских племен его нет. У гончара в одном из племен она спросила, почему он не пользуется гончарным кругом — ведь видел же неподалеку, в одной из обычных деревень. Старик ответил: «Послушай, амма (мать) Людмила, разве можно на круге сделать такой звонкий горшок?» Она задумалась, стараясь понять, что он имел в виду. Эти люди обладали удивительным умением вкладывать в обычные слова еще и особый смысл. Старик до-

что? где? когда?